

Для Энн-Мари

1

Когда Кел выходит из дома, грачи с чем-то возятся. Их шестеро, толпятся на дальней лужайке в высокой мокрой траве среди желтых цветочков, толкаются, скачут. Что-то они там добыли себе, оно мелковатое и все еще шевелится.

Кел ставит на крыльцо мусорный мешок с обоями. Подумывает, не достать ли охотничий нож и не освободить ли зверушку от страданий, но грачи живут тут намного дольше Кела. Довольно-таки нагло с его стороны получится – эдак влезть в их дела. Он опускается на заросшую мхом ступеньку рядом с мусорным мешком.

Грачи ему нравятся. Где-то читал, что они адски умнющие: учатся узнавать человека и даже подарки ему носят. Кел тут уже три месяца пытается улещивать их объедками – оставляет их на здоровенном пне в глубине сада. Птицы посматривают, как он шастает туда-сюда по траве, с увитого плющом дуба, где обустроили себе колонию, и когда Кел отходит на безопасное расстояние, налетают и принимаются громогласно вздорить и галдеть над едой, однако циничного взгляда с Кела не сводят и, стоит ему попробовать приблизиться, сразу ретируются на дуб, а оттуда дразнятся и роняют Келу веточки на голову. Вчера после обеда он хлопотал в гостиной – обдирали заплесневелые обои, и гладенький грачик присел на открытое окно, проорал что-то очевидно оскорбительное, после чего, хохоча, упорхнул.

Та зверушка на лужайке отчаянно извивается, сотрясает высокую траву. Здоровенный папаша-грач прыгает поближе, точно и свирепо нацеливает один-единственный удар клювом, и зверушка затихает.

Может, кролик. Кел видел, как рано поутру они спуют и кормятся в росистой траве. Норы у них где-то в поле на задах, под обширными зарослями орешника и рябины. Как только пришлют разрешение на оружие, Кел собирается проверить, помнит ли дедовы наставления, как свежевать дичь, и снизойдет ли здешний широкополосный интернет с ослиным темпераментом одарить Кела рецептом рагу из кролика. Грачи столпились, клюют настойчиво, вцепляются когтями,

раздергивают плоть, их все больше слетается с дерева, они теснят друг дружку в кутерьме.

Какое-то время Кел наблюдает за ними, вытягивает ноги, вращает плечом в суставе. Работая по дому, он задействует мышцы, о существовании которых забыл. Ежеутренне обнаруживает новые боли, хотя некоторые, скорее всего, от сна на полу на дешевом матрасе. Кел слишком стар и громоздок для таких ночевок, но нет смысла привозить хорошую мебель в эту пыль, сырость и плесень. Он все закупит, когда приведет дом в порядок и сообразит, где тут это всё покупают, – таким прежде занималась Донна. А у Кела пока пусть болит. Ему такая боль в удовольствие. Вместе с волдырями и грубеющими мозолями боль – крепкое, заслуженное доказательство того, что она такое теперь, его жизнь.

Уже надвигается прохладная сентябрьская долгота вечера, но сейчас облачно и потому никаких следов заката. Небо, испятнанное неуловимыми оттенками серого, тянется нескончаемо – как и поля, окрашенные оттенками зеленого в зависимости от использования, иссеченные разросшимися изгородями, стенками сухой кладки да кое-где узкими проселками. Далеко на севере вдоль горизонта пролегает полоса невысоких гор. Глаза Кела все еще привыкают к такому простору – после стольких лет в городских кварталах. Пейзаж – та редкая часть действительности из всех ему известных, что не подведет никогда. В интернете запад Ирландии смотрелся прекрасно; прямо из самой его сердцевины окрестности смотрятся еще краше. Воздух насыщен, как бисквит, и словно годится не только для дыхания – можно куснуть и набить полный рот или, скажем, втереть пригоршню в лицо.

Чуть погода грачи утихомириваются – близится конец трапезы. Кел встает, вновь берется за мешок с мусором. Грачи бросают на него сметливые быстрые взгляды и, когда он входит в сад, поднимаются в воздух и тащат свои сытые брюшки к себе на дерево. Кел волочет мешок в угол к обветшалому каменному сараю, оплетенному вьюнком, по дороге останавливается глянуть, чем там ужинали грачи. Так и есть – кролик, молоденький, хоть теперь и едва узнаваемый.

Кел оставляет мусорный мешок рядом с остальными и возвращается к дому. Почти доходит, но тут грачи вдруг срываются, шебуршат в листве и кого-то костерят. Кел не оборачивается и не

сбивается с шага. Цедит очень тихо сквозь зубы, закрывая за собой дверь:

– Мать вашу.

Последние полторы недели за Келом кто-то посматривает. Возможно, и дольше, но голова у него была занята своим, и Кел, как любой другой посреди этих пустошей, принимал за должное то, что он тут один. Аварийная сигнализация у него в голове отключилась – в точности как он и хотел. Но однажды вечером готовил ужин – жарил гамбургер на единственной рабочей горелке изъеденной ржавчиной плиты, в колонке “айпода” на всю катушку Стив Эрл^[1], Кел время от времени лупил по воображаемым барабанам, – и вдруг в заливке начало припекать.

За четверть века в полиции Чикаго заливки у Кела натренирован что надо. Кел относится к таким сигналам серьезно. Непринужденно прошелся по кухне, потряхивая головой в такт музыке и скользя взглядом по шкафам, будто ему чего-то не хватает, а затем резко метнулся к окну: снаружи никого. Увернул горелку и устремился к двери, но в саду пусто. Под миллионом свирепых звезд и луной, на какую в самый раз выть, Кел обошел периметр; поля расстились, белея, во все стороны, вякали совы – и ни души.

От какого-нибудь зверя шум, решил Кел, – сам-то потонул в музыке, вот только бессознательное чутье уловило. Потемки в этих краях оживленные. Сиживал Кел несколько раз на ступеньках далеко за полночь, пиво-другое, привыкал к ночной поре. Видел хлопотающих в саду ежей, лису – она замерла на пути по своим делам и пристальным взглядом бросила ему вызов. Как-то раз вдоль изгороди трусил барсук, крупнее и мускулистее, чем Кел предполагал, а потом скрылся; через минуту послышался одиночный пронзительный визг, следом зашуршало: барсук удалялся. Возиться тут мог кто угодно.

В ту ночь, прежде чем лечь, Кел поставил на подоконник у себя в спальне две кружки и две тарелки, а дверь в комнату подпер старым бюро. После чего обозвал себя недоумком и все убрал.

Пару дней спустя обдирал обои – окно нараспашку, чтоб пыль наружу, – и тут грачи метнулись тучей со своего дерева, вереща на что-то внизу. Шустрый след шороха, устремившийся прочь за изгородь, показался не ежиным и не лисьим – слишком уж заметен и шумен,

даже барсук мелковат для такого. Добрался туда Кел опять с опозданием.

Возможно, местным детям скучно и они следят за новеньким. Делать в этих краях особо нечего: не деревня, а фитюлька, ближайшее сельцо – в пятнадцати милях. Даже просто допуская что-то еще, Кел сам себе кажется дураком. Март, его ближайший сосед дальше по дороге, и дверь-то не запирает – только на ночь. Услыхав это, Кел вскинул бровь, скуластое же лицо Марта сморщилось, и он хохотал, пока не захрипел.

– Ты глянь на это, – вымолвил он, показывая на дом Кела. – Что у тебя воровать? И кому? Я, что ль, полезу утром стирку твою пощупать, освежить себе вкус на моду?

Кел тоже рассмеялся и ответил, что Марту бы это не помешало, на что Март уведомил Кела, что гардероб у него мировецкий, а вот планов на кадрез никаких, и взялся объяснять почему.

Но кое-что все же не дает ему покоя. Так, пустяки, однако потрескивает у Кела на кромке легавого чутья. Кто-то перегазовывает в три часа ночи вдали на глухих проселках – утробные бурливые рыки. Пацанчики, сгрудившиеся в дальнем углу паба, чересчур юные и одетые не по-здешнему, болтают чересчур громко и чересчур быстро, да и выговор у них несообразный; Кел входит – и они головами р-раз, глазеют на секунду дольше нужного. Кел старательно не говорил никому, чем он в прошлом занимался, но и одного того, что ты чужак, может быть достаточно – смотря как повернется.

Дурила, говорит себе Кел, включая горелку под сковородой и глядя в кухонное окно на тускнеющие зеленые поля; пес Марта трусит подле овец, а те мирно бредут к своему загону. Слишком много лет на дежурствах в дурных районах – тут и селяне покажутся бандюгами.

Скучающие дети, десять к одному. Но все равно Кел уже приглушает музыку, чтоб ничего не упустить, подумывает, не поставить ли сигнализацию, – и это его бесит. Годы напролет Донна бросалась к ручке громкости: “Кел, у соседей младенец пытается уснуть! Кел, миссис Скапански после операции, считаешь, надо рвать ей барабанные перепонки? Кел, что соседи подумают? Что мы дикари?” Своей земли ему хотелось отчасти для того, чтобы врубить Стива Эрла на такую громкость, какая сшибает белок с деревьев, а забраться в жопу мира – в том числе и затем, чтоб не надо было

устанавливать сигнализацию. Кажется, он, к примеру, и яйца себе устроить поудобней не может, не озираясь, а уж такое у себя в кухне любому должно быть позволено. Дети там или нет, пора кончать с этим.

Дома он бы решил эту задачу парочкой старых добрых скрытых камер, грузивших отснятое прямиком в облако. Здесь, даже если вай-фай справился бы, что сомнительно, от самой затеи нести запись в ближайший участок Кела не перло. Неизвестно, что может начаться – соседская вражда, или, может, тот, кто подглядывает, окажется легавому двоюродным, или еще невесть что.

Подумывает насчет натяжной проволоки. Они вообще-то незаконны, но Кел вполне уверен, что ничего особенного: тот же Март уже дважды предлагал ему купить у него нелицензированный дробовик – дескать, лежит без дела, – и все садятся за руль по дороге из паба. Беда, опять-таки, в том, что Кел понятия не имеет, какую кашу может заварить.

Или какую уже заварил. Слушая Марта, Кел начинает догадываться, как тут все запутано и до чего пристально стоит следить за тем, куда ногу ставишь. Норин, которая держит лавку на коротенькой двойной линии построек, считающейся деревней Арднакелти, не заказывает печенье, которое нравится Марту, из-за причудливой эпопеи 80-х, связанной с ее дядями, отцом Марта и пользованием пастбищами; с обитающим за горками фермером, кого не упоминают по имени, Март не разговаривает, потому что тот купил щенка, которого зачал пес Марта, хотя вроде б не должен был. Есть и другие похожие истории, хотя Кел не все их слышал внятно, поскольку Март свои рассказы ведет обширными петлями, а Кел к тому ж не до конца разбирает местный говор. Келу он нравится – насыщенный, как здешний воздух, игольчато-острый, напоминает холодную речную воду или горный ветер, – но куски сказанного пролетают мимо, он отвлекается, прислушиваясь к ритмам, и упускает еще больше. Впрочем, разобрал он достаточно, чтобы понять: есть риск сесть на чей-то табурет в пабе или оплошно срезать, гуляючи, не по тому участку земли, и могут быть последствия.

Приехав сюда, Кел был готов к тому, что чужака встретят в штыки. Ладно, пусть так, лишь бы не подпалили жилье, – не нужны ему ни напарники по гольфу, ни званые ужины. Но все обернулось иначе.

Люди отнеслись по-соседски. В день приезда, когда Кел взялся таскать вещи в дом и из дома, приобрел Март и оперся о калитку, принялся выпрашивать, что да как, а кончилось дело тем, что приволок старый мини-холодильник и посоветовал хороший строительный магазин. Норин объяснила, кто кому какой двоюродный, как подключиться к местному водоснабжению и – погода, когда Кел ее раз-другой насмешил, – начала предлагать, в шутку лишь наполовину, свести Кела со своей овдовевшей сестрой. Старики, безвылазно, судя по всему, обитающие в пабе, перешли от кивков к замечаниям о погоде и далее к пылким объяснениям спорта под названием хёрлинг, который, по мнению Кела, похож на то, что получится, если оставить скорость, ловкость и свирепость хоккея на льду, но вычесть лед и почти всю защитную экипировку. До прошлой недели он предполагал, что его тут приняли если и не с распростертыми объятиями, то хотя бы как умеренно занимательное природное явление – как, скажем, морского котика, поселившегося в реке. Очевидно, он навсегда останется пришлым, но ему уже начало казаться, что это пустяки. Теперь все не так однозначно.

Так вот, четыре дня назад Кел поехал в город и купил здоровенный мешок садовой почвы. Он отдает себе отчет, до чего это несуразно – докупать себе землю после того, как он потратил бóльшую часть своих сбережений на десять акров этой самой земли, но почва в его владениях груба и комковата, вся сплошь травяные корни и острые камешки. А для его дела земля нужна мелкая, влажная, однородная. На другой день он встал до рассвета и насыпал слой этой земли у стен дома, под каждым окном. Чтобы добраться до приличной поверхности, пришлось выполоть сорняки, выюнки и счистить камешки. Воздух пробирал холодом до самого дна легких. Постепенно поля вокруг посветлели; проснулись и взялись препираться грачи. Когда небо озарилось и смутно донесся повелительный свист Марта, адресованный его пастушьей собаке, Кел смял мешок из-под почвы, сунул в мусор и ушел в дом готовить завтрак.

Назавтра утром – ничего; на следующее утро – ничего. Наверное, в прошлый раз подобрался к ним ближе, чем ему показалось, – видать, напугал. Кел продолжил заниматься своими делами и взгляд на окна и изгороди не бросал.

Сегодня утром – следы, на земле под окном гостиной. Судя по отпечаткам рифления, кроссовки, но следы слишком затоптанные и внахлест, чтобы разобрать размер и количество ног.

Сковородка разогрета. Кел бросает на нее четыре кусочка бекона – мясистее и вкуснее того, к какому привык, – и, когда жир начинает шкворчать, разбивает два яйца. Подходит к “айподу”, пристроенному на том же деревянном столе, оставленном хозяевами, за которым ест: вся нынешняя Келова мебель сводится к этому столу, брошенному деревянному бюро с пробитой боковиной, двум колченогим пластиковым стульям и громоздкому зеленому креслу, которое выкинул двоюродный брат Марта, – включает Джонни Кэша^[2], не слишком громко.

Первое, что могло бы кого-то взбесить, – сама покупка этого дома. Кел выбрал его на интернет-сайте, поскольку к дому прилагалось сколько-то земли, а рядом хорошая рыбалка, крыша с виду крепкая – и ему хотелось заглянуть в те бумаги, что виднелись в старом бюро. Давненько не случалось с Келом такой охоты пуще неволи – тем более есть повод ввязываться. Агенты по недвижимости просили тридцать пять килоевро. Кел предложил тридцать – наличными. Чуть руку не откусили.

Ему тогда не пришло в голову, что это место может быть лакомым для кого-то еще. Приземистое, серое, неприметное строение 1930-х годов, пятьсот с чем-то квадратных футов^[3], крыто шифером, окна створчатые, и только здоровенные угловые камни и обширный каменный же очаг придавали дому некоторую изысканность. Судя по фотоснимкам на сайте, дом забросили много лет или даже десятилетий назад: краска опадала громадными лоскутами и крапинами, комнаты завалены перевернутой темно-бурой мебелью и гниющими занавесками в цветочек, перед входной дверью проросли молодые деревца, у разбитого окна стелются вьюнки. Но с тех пор Кел достаточно разобрался, что к чему, и понял, что это место и впрямь могло быть кому-то желанно, даже если причины не очевидны с ходу, и этот кто-то, считавший, будто имеет право на дом, возможно, относится к этому серьезно.

Кел выкладывает поджаренное на пару толстых хлебных ломтей, добавляет кетчуп, достает из мини-холодильника пиво и несет еду на стол. Донна ввалила бы ему за то, как он теперь питается, – маловато

клетчатки и свежих овощей, – но факт остается фактом: с тех пор как пробавляется со сковородки и из микроволновки, Кел сбросил чуток фунтов – а может, и не чуток. Он это чувствует, причем не только по поясу на штанах, но и в своих движениях: у всего, что он делает, появилась удивительная новая легкость. Поначалу настораживало, будто сила тяжести его отпустила, но он привыкает.

Физические нагрузки – вот в чем все дело. Чуть ли не ежедневно Кел час или два гуляет, без всякой отчетливой цели, просто следует чутью, осваивает новые края. Многие дни сверху льет, ну и ладно, у Кела просторная вошенная куртка, а дождь тут такой, под каким ему никогда прежде не доводилось бывать, – тонкая нежная дымка, она словно неподвижно висит в воздухе. Капюшон Кел обычно не накидывает, чтобы ощущать эту дымку лицом. Он не только видит дальше привычного, но и слышит: время от времени блеет овца, или ревет корова, или покрикивает фермер – все это долетает будто за несколько миль, разбавленное и смягченное расстоянием. Иногда Кел замечает фермеров, те занимаются своими делами в полях или трюхают по узкому проселку на тракторе, и когда они проезжают мимо, Кел приветственно вскидывает руку, вжимаясь в буйную живую изгородь. Ему попадаются крепко сбитые женщины, тягающие несусветные тяжести по захламленным дворам ферм, краснощекие малыши таращатся на него через заборы, посасывая батончики, а поджарые псы заходятся громовым лаем. Бывает, с дикой высоты над ним подаст голос птица или вдруг фазан взвьется вихрем из подлеска, стоит подойти поближе. Кел возвращается домой с ощущением, что, все побросав и приехав сюда, сделал верный выбор.

Между прогулками привлечь внимание Кела, в общем, нечему, и потому он с утра до ночи преимущественно возится по дому. Появившись здесь, он первым делом обмел толстый кокон из паутины, пыли, дохлых жуков и всякого другого, что здесь прилежно заполняло собою каждый дюйм. Затем вставил новые стекла в окна, заменил унитаз и ванну – и то и другое кто-то с глубокой неприязнью к сантехнике хорошенько расколотил кувалдой, – чтоб уже перестать срать в дыру в полу и мыться из ведерка. Кел не слесарь, но всегда был рукастым, да и на Ютьюбе есть видеоинструкции, когда интернет не подгаживает; все удалось.

Далее он некоторое время повозился со скарбом, каким были завалены комнаты, – не спеша, уделяя внимание каждому предмету. Кто б ни жил тут до него, к религии эти люди относились серьезно, иначе откуда изображения святой Бернадетты, Девы Марии с досадливым ликом, а также некоего Падре Пио^[4], все в дешевых рамках – и все желтеют по углам, брошенные менее рьяными наследниками. Любили здесь и сгущенку – пять банок нашлось в кухонном шкафу, пятнадцать лет как просроченные. Остались от хозяев фарфоровые чашки с розовым рисунком, ржавые сковородки, скрученные в рулоны клеенчатые скатерки, статуэтка ребенка в красной мантии и в короне, голова приклеена, а еще коробка с двумя старомодными мужскими штиблетами, заношенными до трещин и начищенными до блеска, все еще заметного. Кел с некоторым удивлением не обнаружил никаких следов подростков – никаких пустых пивных банок, сигаретных бычков или использованных презервативов, никаких граффити. Прикинул, что для сопляков это место слишком глухое. В свое время ему это показалось преимуществом. Теперь Кел в этом сомневается. Хотелось бы иметь в списке эту вероятность – что это подростки наведываются на свое старое тусовочное место.

Бумаги в бюро оказались не очень интересными: статьи, вырезанные из газет и журналов, сложенные ровными прямоугольниками. Кел попытался определить некую объединяющую нить в этих статьях, но без толку: речь в них шла, среди прочего, об истории бойскаутов, о том, как растить душистый горошек, о мелодиях для вистла^[5], об ирландских миротворческих силах в Ливане, а также приводился рецепт чего-то под названием “валлийский гренок”. Кел их сберег – как то, что в некотором смысле привело его сюда. Почти все остальное выкинул, включая занавески, что теперь казалось ему не лучшим решением. Подумывал, не извлечь ли их из груды мусорных мешков, что копились за сараем, но какое-нибудь животное уже наверняка либо погрызло их, либо обоссало.

Кел заменил желоба и водостоки, влез на крышу, чтобы изгнать из печной трубы упрямую поросль с желтыми цветочками, ошкурил и надраил старые дубовые половицы и вот взялся за стены. У последнего обитателя были поразительно непривычные вкусы в обустройстве дома – или несколько ведер дешевой краски. Спальня

Кела когда-то была глубокого, насыщенного цвета индиго, пока сырость не испятнала всё потеками плесени и бледными кляксами голой штукатурки. Спальня поменьше – светло-мятная зелень. Столовая часть гостиной – ржавого красно-бурого, намазанного поверх многих слоев отлипавших обоев. Неясно, что происходило в кухонной части, ее вроде бы собирались отделать плиткой, но отвлеклись, а в уборной и этих усилий не приложили: крошечная пристройка на задах дома, стены оштукатурены, голые половицы кое-как прикрыты остатками зеленого ковра, как будто обустроивали это помещение инопланетяне, наслышанные о том, что есть такая штука – уборная, но без подробностей. Келу – шести футов четырех дюймов ростом – приходилось втискиваться в ванну, едва ли не складываясь коленями к подбородку. Когда выложит всё здесь кафелем – поставит душ, но это подождет. Надо успеть с покраской, пока не испортилась погода и можно держать окна открытыми. Уже случались дни, и не один-два подряд, когда небо делалось плотно-серым, от земли поднимался холод, а ветер катился напрямик сотни миль и сквозь дом Кела, словно нет никакого дома, – предупреждал, что придет зима. Ничего и близко к сугробам и минусовым температурам чикагской зимы – это Кел знает из интернета, – но тем не менее нечто состоятельное само по себе, нечто стальное, неуловимое, не без каверзы.

За едой Кел оглядывает плоды дневных трудов. За годы обои кое-где вросли в стены, а потому отдирать их – дело небыстрое, но уже полкомнаты очищено до голой штукатурки; стена вокруг бугристой каменной арки камина – все еще потертого красно-бурого цвета. Кел обнаруживает в себе нечто неожиданное, ему все это нравится как есть. Оно кое-что подразумевает. Кел не художник, но будь он им, ему б захотелось ненадолго оставить все вот так, написать картину-другую с натуры.

Посреди трапезы он все еще размышляет о красной стенке, и тут заговорив у него вновь начинается жечь. На сей раз Кел улавливает причину: слышна краткая неуклюжая возня, едва ли не сразу притихшая, будто кто-то споткнулся в зарослях за окном, но сумел удержаться на ногах.

Кел лениво и щедро откусывает от сэндвича, запивает долгим глотком пива, утирает пену с усов. Затем кривится, срыгивая, подается

вперед, чтобы поставить тарелку. Поднимается со стула, щелкает шеей и направляется к сортиру, попутно взясь с пряжкой ремня.

Окно в уборной открывается гладко и бесшумно, будто его обработали смазкой, – так и есть, обработали. Кел еще и потренировался влезать на бачок и выбираться в окно, и удается ему это куда ловчее, чем можно ожидать от человека его габаритов, что не отменяет факта: одна из причин, почему он ушел из дежурных полицейских, – в том, что с него хватит лазать черт-те где в погоне за балбесами, творящими всякую дурацкую хрень, и планов возвращаться к этому занятию у Кела нет. Он приземляется снаружи, сердце ускоряется до привычного охотничьего темпа, задница чиркает по оконной раме, досада нарастает.

Ничего лучше обрезка трубы в кустах, оставшегося после возни с туалетом, у него нет. Но, даже взявшись за трубу, он чувствует себя с пустыми руками, слишком легким – без ствола-то. Минуту стоит, замерев, дает глазам привыкнуть, прислушивается, однако ночь пронизана мелкими звуками, и какой из них больше относится к делу, не выбрать никак. Стемнело; взошла луна, острый ломтик, вдогонку ей – драные облака, от луны свет бледный, ненадежный и слишком много теней. Кел перехватывает трубу половчее и трогается с места, выдерживая старый выученный компромисс между скоростью и беззвучностью, к углу дома.

Под окном гостиной таится комок более густой тьмы, неподвижен, голова аккурат на той высоте, чтоб заглянуть через подоконник. Кел внимательно присматривается, изо всех сил, но в траве вокруг все чисто – вроде всего один. Во всплеске света от окна Кел видит стрижку под машинку и красное пятно.

Кел роняет трубу и бросается. Намерен зафиксировать полностью, повалить человека, а дальше разбираться, но ступня попадает на камень. За ту секунду, которую Кел ловит руками равновесие, человек подскакивает вверх и прочь. Кел кидается почти в полную темноту, хватая руку и дергает изо всех сил.

Человек летит на Кела слишком легко, а рука слишком тонкая, пальцы туго смыкаются вокруг нее. Ребенок. Это осознание ослабляет Келу хватку. Малявка выдирается, как камышовый кот, сопит с присвистом и впивается зубами Келу в руку.

Кел ревет. Малявка выпрастывается на волю и улепетывает по саду ракетой, ноги в траве почти беззвучны. Кел бросается следом, но ребенок в несколько секунд исчезает в путанице теней у придорожной изгороди, и когда Кел оказывается рядом, беглеца уже нет. Кел протискивается сквозь изгородь, высматривает на дороге, стиснутой до блеклой ленты лунными тенями от кустов, обступающих ее. Ни души. Кидает несколько камешков по зарослям, спугнуть ребенка, – ничего.

Вряд ли у мальчика было подкрепление, он бы крикнул – позвал на помощь или предупредил бы, – но на всякий случай Кел обегает сад кругом. Грачи спят, не потревоженные. Новые отпечатки на земле под окном в гостиной – то же рифление, что и в прошлый раз; больше нигде. Кел отступает в густую тень сарая и ждет долго, пытается заглушить свое сопение, но ни в каких изгородях никакого шороха, никакая тень не крадется по полям. Всего один – и тот ребенок. И не возвращается – по крайней мере, сегодня.

Вернувшись в дом, Кел осматривает руку. Малявка тяпнул его будь здоров: три зуба прокусили кожу, в одном месте кровит. Кела уже разок кусали – при исполнении, что обернулось вихрем бумажек, собеседований, анализов крови, юридической возни, таблеток и судебных разбирательств, тянувшихся месяцами, пока Келу не надоело следить, что там к чему и зачем, и он просто показывал руку или ставил подпись, когда просили. Сейчас он находит аптечку, некоторое время вымачивает руку в антисептике, после чего заклеивает пластырем.

Еда остыла. Он заряжает ее в микроволновку, возвращается с ней к столу. Джонни Кэш все еще играет, оплакивая утраченную Роуз и сыночка^[6] глубокой надломленной трелью, будто и сам уже отлетевший дух.

Келу не так, как он предполагал. Дети, шпионящие за новеньким, – как раз на это он и надеялся, лучший расклад из возможных. Кел прикидывал, что проорет некие смутные угрозы им вслед, когда они будут удирать, вопя, хохоча и выкрикивая гадости через плечо, а затем покачает головой и уйдет в дом, говнясь, словно какой-нибудь старый хрыч, насчет современных детишек, и дело с концом. Может, время от времени они станут возвращаться, но Келу это, в общем, нипочем. Он бы продолжил заниматься ремонтом, слушать громкую музыку и

обустроить себе яйца в штанах в свое, черт бы драл, удовольствие, а легавое чутье свое отправил бы на покой, где ему самое место.

Да вот только чует он, что дело тут не с концом, а легавому чутью на покой не уйти. Дети, если им по приколу лезть на рожон, заявляются ватагой, и они наглые, накрученные своей же дерзостью, как кофеином. Кел думает о том, как тихо сидел тот малой под окном, о его безмолвии, когда Кел его схватил, о змеиной свирепости, с какой малолетка его тяпнул. Этот малой не развлекался. У малого тут была цель. Он еще вернется.

Кел доедает, моет посуду. Приколачивает кусок холстины к окну в уборной, быстро споласкивается. Затем укладывается на матрас в темноте, руки под голову, смотрит в окно на испятнанную облаками россыпь звезд и слушает, как где-то в полях дерутся лисы.

2

Развалина бюро, когда Кел выволакивает его наружу и хорошенько осматривает, оказывается древнее, чем казалось, и лучшего качества: мореный дуб, изысканные завитки вырезаны на бортике над крышкой и вдоль нижней кромки выдвижных ящиков, а под крышкой – десяток гнезд для бумаг. Кел сперва затолкал бюро в маленькую спальню, поскольку планировал заняться им не сразу, но, похоже, сегодня оно может пригодиться. Он притаскивает бюро в дальний конец сада – на тщательно прикинутом расстоянии и от изгороди, и от грачиного дерева, – сюда же приносит стол, чтоб получился верстак, и ящик с инструментами. Большинство их – от деда. Потертые, щербатые, заляпанные краской, но все равно служат лучше, чем фуфло, какое покупаешь в нынешних хозяйственных.

Главный урон, нанесенный бюро, – здоровенная щепастая брешь в боковине, будто тот, кто отправился в уборную с кувалдой, вмазал попутно и по бюро. Кел оставляет эту дыру на потом, когда рука заживет. Начать собирается с бегунков на ящиках. Двух попросту нет, а другие два погнуты и расщеплены так, что ящик не ходит – или ходит, но с боем. Кел вытаскивает оба ящика, кладет бюро на спину и принимается обводить остатки бегунков карандашом по контуру.

Погода на стороне Кела: приятный солнечный день с легчайшим ветром, птички на изгородях, пчелы в полевых цветах – в такие дни человеку вполне естественно хочется поработать на свежем воздухе. Разгар утра в школьный день, но, если судить по другим случаям, Кел считает, что время тратит совсем не обязательно попусту. Даже если ничего не случится сразу же, у него тут уйма дел вплоть до конца уроков. Насвистывает сквозь зубы дедовы народные песни и выпекает слово-другое, когда они вспоминаются.

Заслышав шелест шагов в траве, сильно поодаль, Кел продолжает насвистывать и голову от бюро не поднимает. Впрочем, через минуту слышит зверский треск в изгороди, и под локоть ему суется мокрый нос: Коджак^[7], потрепанная черно-белая овчарка Марта. Кел выпрямляется, машет соседу.

– Как здоров на сто годов? – интересуется Март через боковой забор. Коджак вприпрыжку удаляется – проверить, не появилось ли чего новенького в Келовой изгороди с прошлого раза.

– Неплохо, – отвечает Кел. – Как сам?

– Как огурец-молодец, – говорит Март. Коренаст, примерно пять футов семь дюймов, жилист и морщинист; у него пушистые седины, нос, за жизнь сломанный разок-другой, и обширная коллекция головных уборов. Сегодня он в плоской твидовой кепке, вид у нее такой, будто ее пожевало какое-нибудь сельскохозяйственное животное. – Чего тебе с этой хренью?

– Починить вот хочу, – отвечает Кел. Пытается отбить второй бегунок, но тот держится крепко, это бюро сработали на славу невесть как давно.

– Трата времени, – говорит ему Март. – Глянь на каком-нибудь сайте с объявлениями. Полдесятка найдешь за так.

– Мне одного хватит, – говорит Кел. – И вот – есть.

Март явно собирается оспорить этот довод, но решает в пользу более благодарной темы.

– Хорошо выглядишь, – говорит он, озирая Кела с головы до пят. Март с самого начала был склонен одобрять Кела. Ему нравится беседовать, и за шестьдесят один год в этих краях он высосал сок из всех местных. Кел, с точки зрения Марта, – чисто Рождество.

– Спасибо, – говорит Кел. – Ты тоже.

– Я серьезно, друг ты мой ситный. Очень стройный. Пузо-то с тебя слезает. – Кел, терпеливо раскачивая бегунок ящика взад-вперед, не отвечает, и Март продолжает: – Знаешь, с чего оно так?

– Вот с этого, – говорит Кел, кивая на дом. – Не сижу на заднице за столом день-деньской.

Март энергично качает головой.

– Вообще нет. Я тебе скажу с чего. Это всё с мяса, которое ты йишь. С сосисок да со шкварок, какие у Норин берешь. Они здешние – такие свежие, что аж прыгают с тарелки и на тебя фырчат. С них тебе сплошная польза.

– Ты мне нравишься больше, чем мой прежний врач, – замечает Кел.

– Слухай меня. Американское-то мясо, какое ты йил дома, – в нем гормонов дохрена. Ими накачивают скотину, чтоб жирнела. И как ты

думаешь, как с этого дела людям? – Ждет ответа.

– Вряд ли хорошо, – отвечает Кел.

– Тебя с них раздувает, как шарик, – и титьки, как у Долли Партон. Сдуреть какая хрень. Е-Эс все их позапретил тут. Вот откуда ты весу-то вообще набрал. А теперь йишь годное ирландское мясо, и все с тебя слезает. Будешь у нас по виду как Джин Келли^[8], глазом моргнуть не успеешь.

Март, очевидно, уловил, что у Кела сегодня что-то на уме, и решительно намеревается отговорить его – то ли из чувства соседского долга, то ли потому, что ему нравятся трудные задачки.

– Ты б двинул это на рынок, – говорит Кел. – Мартов Чудо-диет-бекон. Ешь больше – худей крепче.

Март хмыкает, явно довольный.

– Видал, ты вчера в город катался, – бросает он мимоходом. Прищуривается в сад, высматривает Коджака – тот не на шутку сосредоточивается на одном кусте, старается запихнуть в него себя едва ли не целиком.

– Ага, – говорит Кел, выпрямляясь. Известно, к чему Март клонит. – Погоди-ка. – Уходит в дом, возвращается с упаковкой печенья. – Сразу только всё не ешь, – говорит.

– Джентльмен ты, – говорит счастливый Март, принимая печенье через забор. – Сам-то их пробовал?

Печенье Марта – причудливые сооружения из розового пухлого зефира, повидла и кокоса, какими, по мнению Кела, хорошо подкупать пятилетку со здоровенным бантом в волосах, чтоб прекратила истерику.

– Пока нет.

– Ты макай их, друг ситный. В чаек. Зефир размокает, а повидла тает на языке. Лепота.

Март сует печенье в карман своей зеленой вошеной куртки. Заплатить за гостинец не предлагает. Сперва Март представил доставку печенья как одноразовую акцию, одолжение, какое украсит день бедному старому фермеру, да и Кел со своего новехонького соседа горсть мелочи требовать не собирался. Далее Март решил считать это давней традицией. Веселый взгляд искоса на Кела, когда тот протягивает печенье, сообщает, что Март проверяет соседа на вшивость.

– Я больше по кофе, – говорит Кел. – А это не то же самое.

– Норин не скажи про это, вот что, – предупреждает Март. – Ей только дай чем-нибудь меня обделить. Любит она думать, что ейная взяла.

– Кстати, о Норин, – говорит Кел. – Если собираешься в ту сторону, можешь мне ветчины прихватить? Я забыл.

Март протяжно присвистывает.

– Ты, что ль, к Норин в черные списки лезешь? Плохо дело, братец. Глянь, как оно теперь со мною. Что б ты ни натворил, дуй туда с букетом и извиняйся.

Штука в том, что Кел хочет сегодня побыть дома.

– Не, – говорит. – Она все пытается свести меня со своей сестрой.

Брови Марта взлетают ввысь.

– С какой сестрой?

– С Хеленой – кажется, так она сказала.

– Батюшки светы, друг ситный, езжай давай. Я-то думал, ты про Фионнуалу, да Норин, видать, глаз на тебя положила. У Лены голова на плечах будь здоров. Муж ейный-то был прижимистый, что гусья жопка, да и реку мог выхлебать досуха, господи упокой его душу, так что планочку она не задирает. Не сбесится, если ты в грязных сапожищах в дом войдешь или пернешь в койке.

– Похоже, мой тип женщины, – говорит Кел. – Если б я себе искал.

– И справная она дюжая девка к тому ж, не из этих тощих молодых, какую не разглядишь, коли боком повернуть. На женщине мяско должно быть. Ай, ну-ка, – наставляет палец на Кела, тот посмеивается, – похабный умишко твой, вот что. Я не насчет кувыркаться толкую. Я насчет кувыркаться сказал разве что?

Кел качает головой, все еще смеясь.

– Не сказал. Скажу я вот что... – Март укладывает локти на верхнюю планку забора, устраивается поудобнее, чтоб растолковать дальнейшее. – Скажу я тебе вот что: если хочешь бабу в дом, нужно брать такую, чтоб сколько-то места в нем занимала. Ни к чему девка кожа да кости, с мышьим голосочком, да сама ни слова за весь день ни нынче, ни завтра. Такая – деньги на ветер. Заходишь в дом, надо, чтоб женщину видать было – и слышать. Знать, что она тут, а то чего заводить-то ее вообще?

– Нечего, – широко улыбаясь, соглашается Кел. – Лена, значит, горластая, а?

– Про нее всегда знаешь, что она тута. Катись давай и сам забирай свою ветчину – да попроси Норин устроить свиданку. Сполоснись как следует, вуки^[9] с морды сбрей, надень сорочку модную. Вези в город в ресторан – в паб не води, чтоб на нее там эти греховодники зенки не пялили.

– Вот ты ее и вези, – говорит Кел.

Март фыркает.

– Я женат не был ни разу.

– То-то и оно, – говорит Кел. – Куда это годится, если я заберу себе шумных женщин больше положенного.

Март рьяно качает головой.

– Ой не-не-не. Эк через жопу ты все понимаешь. Лет тебе сколько? Сорок пять?

– Сорок восемь.

– В свои-то смотришься хорошо. Мясные гормоны, те молодости дают.

– Спасибо.

– Как ни поверни, все едино. Когда мужику к сорока, он либо имеет привычку женатым быть, либо нет. У баб свое на уме, а я ни к чьему на уме, кроме своего, не привычный. То ли дело ты. – Март добыл у Кела эти и другие жизненно важные данные на первой же их встрече, да с такой почти неуловимой ловкостью, что Кел сам себе показался дилетантом.

– Ты жил с братом, – возражает Кел. По части сведений Март, во всяком случае, взамен, Кел узнал все о Мартовом брате: тому больше нравилось печенье со сливочным кремом, был он жутким фофаном, но с овцами помогал что надо, сломал Марту нос, врезав ему гаечным ключом в какой-то перепалке из-за пульта от телика; помер от инсульта четыре года назад.

– У него на уме не было ничего, – говорит Март с видом человека, выигравшего в споре очко. – Непроходимый был как гамно свинячье. Незачем мне в доме баба себе на уме. Ей, может, канделябру подавай, или пуделя, или чтоб я упражнения по ёге делал.

– Мог бы глупую завести, – предлагает Кел.

Фукнув, Март отмахивается.

– Такого мне и с братом хватило. А ты Лопуха Ганнона знаешь? Вон с той фермы? – Показывает за поля на длинное приземистое здание под красной крышей.

– Ага, – отвечает Кел, строя догадки. Один из стариков в пабе – коротышка с оттопыренными ушами, по ним его и запоминаешь сходу.

– У Лопуха третья хозяйка ужю. И с виду не скажешь, мужичок пустячок, шиш да маненько, но верь слову. Одна евойная померла, вторая от него сбежала, но оба раза Лопух себе новую добывал, не успевал год пройти. Вот как я себе новую псину завел бы, если б Коджак сдох, или новый телик, если б мой накрылся, так Лопух берет и заводит себе новую хозяйку. Потому как привычка у него – чтоб себе на уме у него кто-то был. Коли нету женщины, он не знает, что ему на ужин съесть или что по телику глянуть. И раз нету женщины, не разберешь ты, в какой цвет тебе хоромы красить в именье вон этом.

– Белым собираюсь, – говорит Кел.

– А еще каким?

– Еще белым.

– Вишь, про что я тебе толкую? – торжествует Март. – По концовке не выйдет оно у тебя так. Ты привык, чтоб кто-то со своим на уме у тебя рядом был. Пойдешь искать.

– Могу привлечь спеца по отделке, – говорит Кел. – Хипстера модного, пусть красит в шартрезный и пюсовый.

– Ты такого где тут найти собираешься?

– Выпишу из Дублина. Рабочая виза ему сюда понадобится?

– Сделаешь, как Лопух, – уведомляет его Март. – Собираешься или нет. Я просто стараюсь, чтоб оно у тебя задалось и какая-нибудь тощая фифка в тебя не вцепилась и жизнь тебе не испоганила.

Кел не в силах разобрать, Март то ли и впрямь во все это верит, то ли гонит на ходу, надеясь на спор. Спорить Март любит не меньше своего печенья. Иногда Кел ему потакает, из добрососедских соображений, но сегодня у него есть кое-какие предметные вопросы, а следом он хотел бы, чтоб Март убрался с горизонта.

– Может, через пару-другую месяцев, – говорит. – Ни с какой женщиной я прямо сейчас ничего заводить не буду. Пока не обустрою все тут так, чтоб показать не стыдно.

Март нацеливает на дом свой прищур и кивает, соглашаясь с резонностью сказанного.

– Но ты не тяни чересчур, вот что. Лене тут есть из кого выбрать.

– Он уже какое-то время разваливается, – говорит Кел. – Чтоб его собрать в кучу, времечка понадобится сколько-то. Ты в курсе, сколько примерно он простоял пустым?

– Лет пятнадцать, наверно. Может, двадцать.

– С виду больше, – говорит Кел. – Кто в нем жил?

– Майре О’Шэй, – отвечает Март. – Вот она-то себе другого мужика не завела, после того как Подж помер, да с женщинами оно по-другому. Они заводят себе привычку замуж ходить, как и мужики – жениться, но женщинам передых нужен в промежутках. Майре овдовела всего за год до того, как сама померла, не успела дух перевести. Помри Подж лет на десять пораньше...

– Детям не понадобилось это место?

– Уехали они, как есть. Двое в Австралии, один в Канаде. Плохого про твое владенье не скажу, но к такому сломя голову на родину не бегут.

Коджак утратил интерес к кустам и прибежал к Келу, виляя хвостом. Кел чешет его за ухом.

– А чего они его только-только продали? Ссорились, что с ним делать?

– Как я слышал, поначалу они за него держались, потому что цены шли вверх. Хорошая земля пропадала, потому что дурни эти думали, будто на ней миллионерами станут. А потом... – лицо у Марта перекашивает от злорадства, – все ж рухнуло, и остались они с этим вот на руках, потому что пенса ломаного никто не давал.

– Ха, – говорит Кел. Такое могло запросто обозлить кого-нибудь, как ни крути. – А кто-то хотел купить?

– Брат хотел, – проворно отвечает Март. – Идиёт. У нас и так забот полон рот был. Насмотрелся “Далласа”^[10] парень. Вообразил себя крутым скотоводом.

– Ты вроде говорил, что своего у него на уме не водилось, – замечает Кел.

– Так оно и не водилось – это ж блажь. Я ее искоренил напрочь. Свое на уме, которое женское, не искоренишь. Искорени в одном месте – в другом отрастят. Себя не упомнишь с ними.

Коджак льнет к ноге Кела, блаженно жмурится, толкается Келу в ладонь, когда тот забывает чесать. Кел собрался завести собаку –

только подождать, пока не приведет дом в какой-никакой порядок, но, может, стоит и пораньше.

– А родственников у О’Шэев в округе не осталось? – спрашивает. – Я тут нашел то-сё, им может понадобится.

– Если б понадобилось, – логично замечает Март, – они б двадцать лет назад это забрали. Что за то-сё?

– Бумаги, – расплывчато отвечает Кел. – Фотокарточки. Подумал, может, спрошу, пока не выбросил.

Март лыбится.

– Есть тут Поджева племянница Анни, в паре миль по дороге отсюда, за Манискалли. Если тебе охота волочь это ей, я тебя отвезу – чисто глянуть, как у Анни лицо вытянется. Мамаша ейная и Подж на дух друг дружку не выносили.

– Пожалуй, ну его, – говорит Кел. – Может, дети у нее есть, кому хотелось бы что-то на память о двоюродном деде?

– Все разъехались, как есть. В Дублин или в Англию. Растопи теми бумажками печку. Или продай в интернете – еще какому-нибудь янки, падкому на старинку.

Кел не уверен, подначка это или нет. С Мартом не всегда разберешь, и в этом, понятно, отчасти и состоит потеха.

– Может, так и сделаю, – говорит. – Не моя ж старинка все равно. Семья у меня не ирландская, насколько мне известно.

– У вас там у всех есть ирландское, – говорит Март с непоколебимой уверенностью. – Так или иначе.

– Значит, придержу это дело, раз так, – говорит Кел, напоследок погладив Коджака и повернувшись к своему ящику с инструментами.

Вряд ли Анни засылает сюда детишек, чтоб приглядывали за фамильным домом. Келу очень не помешали бы наводки, что это может быть за ребенок, – он-то думал, что вполне разобрался во всех своих ближайших соседях, но ни о каких детях ему не известно, – однако если пришлый мужик средних лет берется расспрашивать о местных малолетних пацанах, тут недалеко и до взбучки и кирпичадругого в окна, а Келу хватает и того, что и так уже происходит. Роемся в ящике, ищет стамеску.

– Удачи тебе с этой хренью, – скривившись и отлипая от забора, говорит Март. Целая жизнь в сельскохозяйственных трудах перемолола Мартовы суставы в труху: у него беда с коленом, с плечом

и со всем прочим в промежутке. – Заберу у тебя дрова на растопку, когда наиграешься.

– Ветчина, – напоминает ему Кел.

– Тебе самому придется разбираться с Норин рано или поздно. Не спрячешься тут в надежде, что она забудет. Говорю тебе, братец, – ежели женщине что на ум взбредет, оно оттуда не денется.

– Будешь мне свидетелем на свадьбе, – говорит Кел, поддевая стамеской бегунок.

– Ветчина та в нарезке по два евро пятьдесят, – сообщает Март.

– Ха, – отзывается Кел. – Столько ж и печенье.

Март сипит от смеха, хлопает ладонью по забору, тот пружинит и опасно трещит. Затем сосед высвистывает Коджака, и они удаляются.

Кел возвращается к бюро, качает головой, ухмыляется. Иногда он подозревает, что Март изображает из себя вахлака-балагура – то ли прикола ради, то ли чтоб приспособить Кела к посылкам за печеньем и за чем еще там может быть у него на уме. “Железно, – сказала б Донна в те времена, когда им еще нравилось придумывать, чем бы развеселить друг дружку, – железно, когда не при тебе, он расхаживает в смокинге и разговаривает, как королева английская. Ну или в «йизи» свои влезает и зажигает под Канье”^[11]. О Донне Кел думает не постоянно, не то что поначалу – не один месяц подряд он упорно вкалывал, слушал музыку на полную громкость и орал футбольные кричалки как псих, когда б ни приходила она ему на ум, но в итоге все удалось. Правда, она все еще всплывает время от времени, когда Кел натывается на такое, от чего она могла б улыбнуться. Доннина улыбка ему всегда нравилась – быстрая, полная, такая, что все черточки на лице взлетали вверх.

Наблюдая, как проходят через это его приятели, Кел предполагал, что если надраться, возникнет позыв звонить ей, а потому некоторое время воздерживался от выпивки, однако оказалось, что все не так. Пиво-другое-третье – и Донна будто в миллионе миль отсюда, в каком-то другом измерении, куда никакие телефоны не дозвонятся. Слабину Кел дает, как раз когда Донна застает его врасплох – вот как сейчас, невинным осенним утром, расцветая у него в уме так свежо и живо, что Кел едва ль не улавливает ее запах. И не вспомнить, почему нельзя достать телефон: “Эй, детка, ты послушай...” Возможно, лучше б

стереть ее номер, но вдруг понадобится созвониться насчет Алиссы, да и памятен тот номер наизусть.

Бегунок наконец отрывается, и Кел вытаскивает плоскогубцами старые ржавые гвозди. Измеряет бегунок, записывает на нем цифры. Когда впервые оказался в строительном магазине – выбрал пару деревьев разного размера, потому что есть же ящик с инструментами и потому что поди знай. Длинный сосновый брусок в самый раз по ширине для нового бегунка, толстоват, но не слишком. Кел прижимает его к столу и принимается обстругивать.

Дома план был бы такой: сцапать пацана вторично, только держать покрепче, закатить ему нотацию насчет вторжения в частные владения, нападения и оскорбления действием, малолетних правонарушителей и того, что случается с детьми, которые выебываются с легавыми, и, может, добавить подзатыльник да выкинуть со своей собственности. Но тут он не легаш, и Келу все крепче кажется, что он не ведает, чем дело может кончиться, а потому бывшие прихваты совсем не вариант. Как бы ни поступил он, надо, чтоб вышло толково и осторожно, и не переусердствовать.

Достругивает деревяшку до нужной толщины, рисует по линейке две линии, пропиливает вдоль каждой на четверть дюйма. Что-то в нем прикидывало, помнит ли он все еще, как этими инструментами пользоваться, но помнят руки: инструменты ложатся в ладонь так, будто они все еще теплы с тех пор, как он брался за них в предыдущий раз, и в дерево входят гладко. Приятно. Кел вновь насвистывает, не заботясь о мелодии, просто бросает милые трели и переливы птицам.

День разогревается так, что Келу приходится остановиться и снять фуфайку. Принимается не спеша вырезать полоску дерева между двумя пропиленными направляющими. Торопиться некуда. Малявке, кто б ни был, что-то надо. Кел дает ему возможность явиться и взять это.

Первый шум, поодаль за изгородью, доносится смазанным из-за Келова посвиста и шороха стамески, а потому Кел не уверен. Головы не поднимает. Берется за рулетку, проверяет направляющую – хватит ли по длине. Обходит стол, чтоб взять пилу, и тут слышит опять: резкий шелест ветвей, кто-то пригибается или увертывается.

Кел бросает взгляд на изгородь, наклоняется за пилой.

– Если хочешь глядеть, – говорит, – так вылезай да посмотри как следует. Иди сюда, поможешь мне с этим делом заодно.

Тишина за изгородью полная. Келу слышен ее гул.

Отпиливает бегунок, сдувает опилки, сравнивает со старым. После чего легко бросает его к изгороди, а следом кусок наждачной бумаги.

– Вот, – говорит он зарослям. – Ошкурь.

Берет стамеску и молоток, продолжает вырезать канавку. Тишина длится долго, и Кел думает, что упустил. Затем слышит треск – кто-то медленно и осторожно протискивается по кустам.

Кел продолжает работать. Засекает уголком глаза вспышку красного. Проходит немало времени, и доносится шорох наждака – неуклюжий, неумелый, с паузами между движениями.

– Шедевра никто не ждет, – говорит Кел. – Внутрь бюро пойдет, никто не увидит. Лишь бы занозы не торчали. Вдоль волокна шкурь, не поперек.

Пауза. Вновь шуршит наждак.

– Это мы бегунки делаем для ящичков. Знаешь, что это такое?

Поднимает взгляд. Так и есть, вчерашний детеныш, стоит в траве в дюжине футов от Кела, пялится на него, все мышцы наизготовку, чтоб удрать, если понадобится. Серенький ежик волос – стрижка под машинку, не по размеру большое линялое красное худы, ветхие джинсы. Лет двенадцать пацану.

Качает головой – один быстрый дерг.

– Это деталь, которая держит ящик на месте. Чтоб удобно выдвигать и задвигать. Тут вот канавка, по ней ходит вот эта штука на ящичке. – Кел спокойно и плавно подается к бюро, показывает. Малой следит взглядом за каждым движением Кела. – Старые поломались. – Снова берется за стамеску. – Проще всего было б фрезой или циркуляркой, – говорит, – но под рукой нету. Повезло еще, что мой дед любил плотничать. Показал мне, как это делается вручную, когда я был примерно как ты. Плотничать пробовал?

Глядит еще раз. Малой повторно дергает головой. Жилистый, такие шустры и на вид, и на деле, но сильнее, и то и другое Кел уже понял по вчерашнему вечеру. С лица обычный: немного осталось еще детской мягкости, черты ни грубые, ни изящные, ни смазлив, ни уродлив; выделяются только упрямый подбородок да серые глаза, вперенные в Кела, будто проверяют его по цэрэушному компьютеру.

– Ну, – говорит Кел, – теперь вот попробовал. У нынешних-то ящичков бегунки металлические, а это старое бюро. Насколько старое,

точно сказать не могу, я не спец. Было б здорово, если б это у нас оказалась штука, подходящая для “Антикварной ярмарки”^[12], но, скорее всего, это просто старое барахло. А мне вот приглянулось. Хочу прикинуть, удастся ли починить и пользоваться.

Разговаривает как с бродячей собакой у себя во дворе, спокойно, ровно, о словах не очень-то задумываясь. Малой шкурит все быстрее и увереннее, осваивается.

Кел измеряет направляющую и отпиливает второй бегунок.

– Хватит уже небось, – говорит. – Дай-ка гляну.

– Это же для ящика, – говорит малой, – надо чтоб прям гладко было. А то застрянет.

Голос ясный и чистый, еще не ломался, выговор почти такой же густой, как у Марта. И малой не балбес.

– Верно, – соглашается Кел. – Давай тогда, не спеши.

Усаживается так, чтоб уголком глаза видеть пацана, пока вырезает. Тот относится к делу серьезно, проверяет все поверхности и кромки осторожным пальцем, проходится по ним еще, еще и еще, пока не остается доволен. Наконец вскидывает взгляд и бросает Келу бегунок.

Кел ловит.

– Молодец, – говорит, проверяя большим пальцем. – Глянь. – Прикладывает разом к шипу на боку ящика, двигает туда-сюда. Малой тянет шею посмотреть, но не приближается. – Как по маслу, – говорит Кел. – Потом навошим для пущей гладкости, но вряд ли понадобится. Давай второй. – Тянется за вторым бегунком, взгляд пацана упирается в пластырь у Кела на руке. – Ага, – говорит он. Поднимает руку, чтоб малой разглядел как следует. – Если воспалится, я на тебя обзлюсь не на шутку.

Глаза у пацана распахиваются, мышцы напрягаются. Того и гляди даст деру, ноги едва касаются травы.

– Ты за мной следил неплохо, – говорит Кел. – Есть на то причины?

Миг спустя малой качает головой. По-прежнему готов сбежать, глаза уставлены на Кела – уловить первую же попытку схватить.

– Что-то хочешь разузнать? Потому что если да, сейчас самое время спросить по-честному, прямоком, по-мужски.

Пацан опять мотает головой.

– Я тебя чем-то не устраиваю?

И вновь мотает головой – еще ожесточеннее.

– Ограбить меня хочешь? Птушта если да, то это зря. Плюс – если только эта фигня и впрямь не проканаает для “Антикварной ярмарки” – воровать у меня нечего.

Мотает головой.

– Тебя кто-то подослал?

Изумленная гримаса, словно Кел сказал что-то дикое.

– Не-а.

– Ты все время так? Следишь за людьми?

– Нет!

– Что ж тогда?

Миг спустя малявка пожимает плечами.

Кел ждет, но ему ничего не сообщают.

– Лады, – говорит он наконец. – Не очень-то мне и важно зачем. Но херню эту мы прекращаем. Дальше, если охота на меня глядеть, гляди вот так. Лицом к лицу. Предупреждаю первый и последний раз. Понял?

Малой произносит:

– Ага.

– Хорошо, – говорит Кел. – Имя есть?

Малой самую чуточку расслабляется – понимает, что удирать не придется.

– Трей.

– Трей, – повторяет Кел. – Я Кел. – Малой кивает разок, словно подтверждая, что уже осведомлен. – Ты всегда такой общительный?

Малявка пожимает плечами.

– Пойду заправлюсь кофе, – говорит Кел. – И печеньем или еще чем. Печенье хочешь?

Если малого натаскивали бояться чужих, это оплошный шаг, но Келу не кажется, что пацана вообще на что бы то ни было натаскивали. И действительно – малой кивает.

– Ты его заслужил, – говорит Кел. – Сейчас вернусь. А ты пока дошкурь. – Бросает Трею второй бегунок и уходит по саду, не оборачиваясь.

В доме наливает себе большую кружку растворимого кофе, отыскивает упаковку печенья с шоколадной крошкой. Может, с его помощью удастся разговорить Трея, хотя Кел в этом сомневается. Не раскусишь этого пацана. То ли врет – в чем-то одном или больше, – то

ли нет. Считывает в нем Кел лишь безотлагательность, такую насыщенную, что в воздухе вокруг малого звенит, как от жара, поднимающегося над шоссе.

Когда Кел возвращается в сад, Коджак вынюхивает поросль у сарая, а на забор опирается Март с ветчинной нарезкой в руке.

– Ишь ты поди ж ты, – говорит он, оглядывая бюро, – еще живо. Придется мне с дровами обождать.

Полуошкуранный бегунок и клочок наждачки лежат в траве. Малого по имени Трей и след простыл, словно его тут и не было.

3

Несколько дней о Трее нет ни слуху ни духу. Келу не кажется, что дело разрешилось. Малой показался ему зверушкой дикой более прочих, а диким зверушкам требуется некоторое время, чтобы поразмыслить над нежданной встречей, прежде чем решиться на следующий шаг.

Льет день и ночь, слегка, но неумолимо, поэтому Кел заносит бюро в дом и вновь подступается к обоям. Этот дождь ему нравится. Нет в нем нахрапа, его постоянный ритм и запахи, какие он приносит с собой в окна, смягчают убогость дома, придают ему уют. Кел научился видеть, как меняется под дождем пейзаж, как зеленый делается насыщеннее, как поднимаются полевые цветы. Дождь ощущается союзником, а не докукой, как в городе.

Кел более-менее уверен, что малой не станет поганить ему дом, когда Кела в нем нет, – уверен настолько, что когда в субботу вечером дождь наконец стихает, отправляется в деревенский паб. Идти до него две мили – достаточно, чтобы в плохую погоду Кел сидел дома. Март и старичье в пабе находят потешным это его настойчивое желание ходить пешком – до того потешным, что едут рядом с ним в машине, поощряя криками или по-пастушьему его понукая. Келу кажется, что его громкий, ворчливый, престарелый красный “мицубиси-паджеро” слишком заметен и привлечет внимание любого скучающего легавого, болтающегося по округе, а дурное это дело – попадаться на вождении в нетрезвом виде, когда ему еще не выдали лицензию на оружие: в ней же могут и отказать, если узнают о его неумеренных привычках.

– Да и не должны они тебе ружье выписать, по-любому, – сообщил ему бармен Барти, когда Кел упомянул при нем об этом.

– Это еще почему?

– Ты ж американец. Вы у себя там все свихнулись на оружии. Палите из него за любой чих. Пристрелить можете кого-нибудь просто за то, что человек последнюю упаковку “Твинков”^[13] купил в лавке. Нам всем остальным тут опасно станет.

– Много ты понимаешь в “Твинках”! – возразил Март из угла, где он устроился за пинтой с двумя приятелями. Как сосед Кела Март

считает, что это его ответственность – вступаться, когда Келу достаётся подколка-другая. – Где твоё детство, а где “Твинки”.

– Я, что ли, два года в Нью-Йорке на кранах не отработал? Йил я “Твинки”. Дрянь ебучая.

– И что, подстрелил тебя кто?

– Не подстрелил. Ума им хватило.

– А зря, – встрял один приятель Марта. – Тогда, может, бармен у нас был бы такой, кто пугную шапку на пинту справить умеет.

– Нет тебе сюда ходу больше, – сказал ему Барти. – И поглядел бы я, как бы у него получилось.

– Ну и вот, – торжествующе сказал Март. – Да и нет у Норин “Твинков” уж всяко. Так что пушай будет у мужика ружье – и налей ему пинту уже.

Паб, именуемый “Шон Ог”^[14] кособокими кельтскими буквами над дверью, находится в том же обшарпанном бежевом здании, что и лавка. Днём люди забредают и туда и туда – купить сигарет и пойти с ними в паб или завалиться с пинтой в лавку, опереться о прилавок и потрепаться с Норин, однако вечером дверь между лавкой и пабом запёрта, если только Барти не понадобится хлеб да ветчина, чтоб слепить кому-нибудь сэндвич. Паб маленький, с низким потолком, на полу красный линолеум, там и сям куски потрепанного ковра, разложенные, судя по всему, от балды, разноперая смесь выдавших виды барных стульев, треснутых зелёных пластиковых банкеток вокруг шатких деревянных столов, разнообразная дребедень на пивные темы, настенная плашка с резиновой рыбой, поющей “Переживу”^[15], и заросшая паутиной рыбацкая сеть, приделанная к потолку. Тот, кто вешал эту сеть, художественно разместил в ней несколько стеклянных шаров – для полной красоты. За годы завсегдаи добавили к этому многочисленные бирдекели, резиновый сапог и фигурку Супермена без одной руки.

По понятиям самого паба, у “Шона Ога” сегодня оживленно. Март и пара его приятелей сидят в углу, дуются в карты с двумя невзрачными молодыми ребятами в добытых где-то спортивных костюмах. Впервые увидев у Марта и его корешей картишки, Кел предположил покер, но играют они во что-то под названием “пятьдесят пять” – с прытью и ражем, непропорциональными мелким кучкам монет на столе. Судя по всему, игра лучше всего идёт, когда